Деннис Грант

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Книга 1 & 2

Деннис Грант
Прошлое и настоящее. Книга 1 - 2

https://litres.ru/74979979
SelfPub; 2026

Аннотация

В чём смысл человеческой истории? К чему приведут столетия войн, революций, открытий - апокалипсису или золотому веку?

На протяжении столетий исследователи изучали "Парадокс Хилла" - загадку, связанную с природой пространства-времени. Вряд ли они лично ожидали встретиться с живым звеном парадокса: человеком из другого столетия.

Роман вдохновлён классикой фантастики: произведениями Жюля Верна, Александра Беляева, Герберта Уэллса.

Содержание

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ. Роман в четырёх книгах	5
Книга 1. НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАБРОШЕННЫЙ ГОРОД	8
I. АНГЛИЧАНИН В НЬЮ-ЙОРКЕ	9
II. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	13
III. ПРОБУЖДЕНИЕ	18
IV. РАЗРУШЕННЫЙ ГОРОД	22
V. СТЕНА	27
VI. НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ	34
VII. НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД	38
VIII. БУРЯ	42
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АТЛАНТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ	51
I. ТРОЕ	52
II. ОТКРОВЕНИЕ	59
III. НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	66
IV. АТЛАНТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Деннис Грант
Прошлое и настоящее. Книга 1 - 2

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ.
Роман в четырёх книгах

Деннис Грант – творческий псевдоним писателя и художника Дениса Александровича Климова. Иллюстрации к роману сделаны автором. Текст произведения, как и иллюстрации к нему, являются оригинальными, созданы без использования ИИ и прочих средств заимствования

Книга 1. НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЗАБРОШЕННЫЙ ГОРОД

I. АНГЛИЧАНИН В НЬЮ-ЙОРКЕ

Суббота: сентябрь две тысячи седьмого года.

Древность? Что ж, возможно. Сейчас тот период принято считать древностью. Кажется, всё случилось недавно, но ощущение обманчиво: миновала бездна времени. И даже сейчас я помню многое, ведь это была моя юность.

Я думаю о прежней жизни, как о медленном и скучном фильме. Недели перетекали в месяцы, месяцы – в годы: казалось, будто счётчик времени сломан. Нью-Йорк остался в памяти как старая фотография. Эстакады и коридоры зданий. Лужи на дорогах, сухие листья; рядом – дрейфующая толпа. Я был частью потока – и всю мою жизнь можно было бы назвать невзрачной, не будь в ней мечты

Впрочем, о ней я расскажу ещё позже.

Целые годы уже забыты, но отдельные частицы прошлого по-прежнему живы. Они разгораются, подобно искрам в гаснущем костре. Может быть, поэтому я так точно могу восстановить и тот день, даже отметив некоторые его детали.

Полдень. Позади – Колумбийский университет, наводнённый студентами; рядом шёл Ларри: наверное, мой единственный друг. Слева – жёлтые такси на 5-й авеню; справа – ярко-жёлтые листья деревьев. Дети играли, пугая голубей. Ларри не выпускал сигареты: возможно, курить он начал ещё

в школе. Я повернулся сначала к солнцу, и затем снова к приятелю.

Ларри скрестил руки и отвёл взгляд от ревущего грузовика «Федэкс».

– Завтра мы уезжаем с друзьями из города, – объявил он. – Будет пикник. Ты поедешь с нами, Том, – добавил он невозмутимо.

– Ведь я говорил, что мне нужно готовиться.

– Собеседование? – спросил Ларри, хотя прекрасно знал, что я имею в виду. – Ты говорил, что пойдёшь в компанию только на следующей неделе, Том. Пожалуйста, не будь таким осторожным. К тому же, – добавил он, – мы едем в национальный парк, а ты любишь природу.

Друг выглядел значительно старше своих лет, но улыбался, словно подросток. Особенно забавно он выглядел, когда был в чём-то уверен.

– Нельзя упустить эту возможность. Я стану инженером, если всё сложится удачно, – возразил я.

– Ты называешь это удачей?

– Разумеется.

– Чем ты будешь заниматься?

– Эта молодая компания, и там нужны инженеры. Я представлю свой проект, и буду заниматься электродвигателями, если меня возьмут.

Я думал, что Ларри удивит эта новость – но он только отошёл и поморщился: вероятно, мой выбор ему не нравился.

– Почему ты не нашёл что-нибудь интереснее?

– Для каждого своё «интересно», – улыбнулся я. – Что, по-твоему, интересно?

– Оружие, военная техника; у инженера всегда есть выбор. Поверь мне, с электродвигателями не протянешь долго.

– С чего ты взял?

– Это неприбыльно, Том. Не смотри на меня так, пожалуйста. Всегда нужно думать о прибыли: уж поверь мне, мечтать об этом полезно.

– Мечтать о деньгах?

– Конечно, Том; о чём же ещё?

– Когда человек голоден, он думает о еде, бездомный – о жилище. Верно? – опять улыбнулся я, видя, как друг закрыл глаза, отвернувшись. – Каждый думает о том, чего у него нет – но ведь это нельзя назвать мечтой. Животные, как люди, вынуждены кормиться, строить гнездо или норку; но всё, что управляет ими, – это инстинкты. Мечта это нечто совершенно иное. Нужно думать о будущем, Ларри.

Ларри поморщился.

– Пусть ты родился в Лондоне, Том, – но детство провёл в Америке, а рассуждаешь, как пенсионер из Манчестера. Будь проще, прошу тебя. Нужно жить *здесь и сейчас*, – добавил он раздражённо, – не думая ни о том, что было, ни о том, что будет.

– Так поступают и ведут себя звери.

– Конечно, Том; ведь человек – тот же зверь, – уверен-

но сказал он. – Пожалуйста, не смотри на меня так. Скажи, зачем тебе прошлое или будущее? – Он резко остановился, чтобы откашляться, достав из пачки новую сигарету. – Ты никогда ничего из этого не увидишь.

– Однако на будущее можно повлиять.

– Неужели? – Ларри ухмыльнулся, выпустив дым изо рта.

– Разумеется: вероятно, потом будет лучше, чем сейчас.

– Неужели? – повторил он.

– Именно.

– Сомневаюсь. В любом случае, это меня не волнует, – хмыкнул Ларри, подойдя к фургону с сэндвичами и мексиканскими лепёшками. – Не я первый, не я последний, – добавил он: это была его любимая фраза. – Ты будешь американо?

– Ты же знаешь, я обычно беру чай.

– Как же я мог забыть, сэр, – усмехнулся Ларри, изобразив английский акцент и указав мне на витрину, где лежали свежие маффины.

II. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

Трудно сказать, по какой причине я считал Ларри другом: мы были совершенно разными. Ещё труднее объяснить, что двигало мной, когда на следующий день я согласился поехать.

Вероятно, это была глупость; возможно – желание развеяться перед событиями следующей недели. Как бы то ни было, утром Ларри позвонил мне; вместе с его приятелями мы покинули город, и даже сам штат Нью-Йорк. Деревья ещё радовали глаз листвой, солнце согревало мягкими лучами. Приятели Ларри были почти двойниками своего друга – шумными, вечно смеющимися; все вместе мы едва поместились в небольшой машине.

Наконец, за окном выглянула роща: под жёлто-зелёным навесом было прохладно. После нас в лес приехал ещё один человек на стареньком «Харли-Дэвидсоне».

Должно быть, не прошло часа, как вся компания была пьяна: приятели Ларри громко спорили, взрываясь хохотом, и едва стояли на ногах. Сложно представить, как они могли напиться так быстро. Мне оставалось лишь ругать себя за свою глупость и надеяться, что к вечеру нам удастся выбраться. Все мысли были поглощены предстоящим собеседованием. В тот момент я не мог и представить, что ждёт меня в бли-

жайшие часы. Между тем крики Ларри и его приятелей становились громче. Я медленно отошёл в сторону, продолжая ругать себя в мыслях, и вновь обратил внимание на «Харли-Дэвидсон». Сбоку поверх краски было подписано: «Пацифик». Очевидно, мотоцикл принадлежал незнакомцу, который не знал никого из нас.

Возможно, это и есть выход?

Я положил руку в карман, вспомнив, что взял с собой немного денег, и решил, что могу договориться. С собой у меня было почти триста долларов: этого вполне могло хватить. Я был рассержен на себя, и ещё больше – на Ларри, поэтому не хотел больше оставаться в лесу, и подошёл к хозяину «Пацифика».

Старик взглянул на деньги равнодушно, но чуть приподнялся, и только затем посмотрел на меня, немного внимательнее.

– Мне нужен мотоцикл, – объяснил я. – Вечером вы сможете уехать с моим другом, а позднее, конечно, я привезу «Пацифик» обратно. – При этих словах я указал в сторону Ларри. – Поймите: мне необходимо вернуться в город. Где вы живёте?

– В Бруклине.

– Отлично: значит, я смогу вернуть «Пацифик» на следующий же день.

Незнакомец с повязкой на лбу смотрел по-прежнему невозмутимо, чуть улыбаясь и опёршись спиной о ствол де-

рева.

– Бери, – тихо сказал он добродушно, на этот раз взяв деньги и зачем-то кивнув головой. Мне показалось, что он усмехнулся: вероятно, я предложил слишком много. Незнакомец даже не спросил, есть ли у меня права, и умею ли я водить мотоцикл.

– Спасибо, – сказал я, продиктовав номер телефона и удивившись, как легко нам удалось договориться.

С облегчением я покатил машину в сторону сосен. Ларри вместе с приятелями даже не заметил моего исчезновения. Чтобы срезать дорогу и добраться до пригородов, я решил ехать через лес. «Пацифик», дребезжа, завёлся, и я скрылся в чаще.

Не знаю, что заставило меня так быстро уехать. Вероятно, отвращение вызывало пьянство; ещё вероятнее – пустота, которой Ларри заполнял своё время. Впрочем, вскоре его крики растворились в звуках леса, а насыпная тропа постепенно сменилась сплошным зелёным ковром. Движение затрудняли заросли папоротников, а где-то – покрытые мхом булыжники; к тому же «Пацифик» ужасно скрипел, и казалось, вот-вот должен рассыпаться.

Внезапно я почувствовал, что теряю скорость.

Высокий обрыв скрылся в зарослях, и я не успел остановиться вовремя. Спуск оказался довольно крутым: «Пацифик» с грохотом ударился о землю. Ещё через мгновение я почувствовал острую боль в руке. К счастью, травы и листья

папоротника немного сгладили удар. На ум пришла очередная жуткая мысль: я заблудился. По крайней мере, выбраться с мотоциклетом из низины было невозможно.

По правде сказать, я был совершенно растерян. Подобный сценарий можно было бы представить разве что во сне. Случайности привычно обходили меня, однако теперь будто все сошлись вместе. Я попытался поднять и завести «Пацифик», вновь осыпая себя ругательствами, когда внезапный звук заставил насторожиться: под слоем почвы нечто зашевелилось. Я инстинктивно отпрыгнул, крепко зажмурившись, и тут же открыл глаза вновь, посмотрев внимательнее на источник движения. Глаза не обманывали меня: тусклое свечение пробивалось из-под земли.

Вполне вероятно, что я наткнулся на заброшенный военный объект. Убрав руками старые листья и разрыв тонкий слой грунта, я обнаружил неправильный диск, наподобие сферы, сплюснутый в двух местах. Затем – ударил себя по лицу; осмотрелся вокруг ещё раз и сделал глубокий вдох.

Нет, это не сон.

Любопытство было даже сильнее моего удивления; события развивались так стремительно, что я не успевал осмысливать их. Следовало как можно скорее успокоиться и прийти в себя, найти свободное от зарослей место, затем – найти дорогу и выехать из леса. Однако попытки поднять «Пацифик» обернулись неудачей, словно железо потяжелело в несколько раз. Тогда я решил ещё раз осмотреть овраг. Ти-

шина, несмотря на нелепость моего положения, заставила рассуждать здраво.

Пока я пытался найти решение, нечто опять задрожало и вспыхнуло; диск стал гореть ярче. Тишина сменилась нарастающим гулом. Вопросы возникали один за другим, и я совершенно потерялся в собственных мыслях – подумал, что сошёл с ума или умер. Однако чувства были слишком реальны, чтобы в них сомневаться.

Вдруг голова закружилась; затылок оказался во власти пульсирующей боли. Я хотел встать, но не мог даже подняться. Мне показалось, что лес стал меняться, сбрасывая листву и надевая её вновь – снова и снова; деревья лихорадочно танцевали, как при урагане; фигурки птиц пролетали, словно пули; даже облака быстрее поплыли по небу, а движение самого солнца ускорилось в несколько раз.

Силы неожиданно иссякли; я закрыл глаза, почти сразу потеряв сознание.

III. ПРОБУЖДЕНИЕ

Нечто невероятное случилось тогда в лесу: с этого момента и начинается по-настоящему мой рассказ.

Горячее солнце разбудило от сна, похожего на беспамятство во время болезни. В абсолютной тишине я мог слышать, как течёт кровь по венам. Прохладной тени деревьев не было – лучи целилось в прямо лицо. Я инстинктивно закрылся руками. «Что произошло?» – эта мысль мелькнула первой.

Я осмотрелся. Лес пропал бесследно: вокруг не было ни одного дерева, ни одного куста; не было даже опавших листьев и травы под ногами – только неровная и твёрдая корка. Сколько прошло времени? Я достал телефон из кармана: показывало пять часов вечера. Следующей мыслью было позвонить кому-нибудь, однако экран тут же погас – связь с внешним миром была утеряна полностью.

Стряхнув жёлтую пыль, я медленно поднялся. Во все стороны от меня лежали листы металла, горы пластика, смешанного с боем кирпича и перевёрнутыми бетонными плитами. Я многое хотел узнать, но не мог собраться с мыслями. Груды мусора образовывали слой земли, лишённый почвы и признаков растительности. Солнце жгло и отдавало каким-то оранжевым цветом. Ужасно мучила жажда; глаза, казалось, полностью высохли.

Диска подо мной не было. Очевидно, вокруг – не тот лес, в который мы приехали вместе с Ларри и его приятелями. В жизни я не видел ничего подобного. Из-под земли выползал дым – едкий, режущий глаз и отравляющий воздух; сквозь этот дым солнце казалось ещё более злым, готовым сжечь всё вокруг, как в печи. Голос стал сухим, словно я проглотил мешок песка. Раскалившееся железо отдавало жаром, а кое-где под слоями мусора горели языки пламени. Кругом лежали разбросанные обломки бетона и камня, оставшиеся, вероятно, от каких-то зданий.

«Нужно уходить», – понял я.

К счастью, «Пацифик» лежал рядом, как ни в чём не бывало. Тогда я не мог объяснить себе ни то, как оказался здесь, ни то, почему мотоцикл остался рядом. Впрочем, я и не пытался ничего объяснить себе – в те минуты хотелось лишь одного: вырваться из этого ада. На солнце фара «Пацифика» расплавилась. Я стал заводить мотоцикл; лишь после трёх попыток послышался знакомый звук двигателя. Забравшись и повернув рукоятку газа, я двинулся в путь.

Кипяток воздуха хлынул в лицо; сквозь пелену смога я смог разглядеть горы из шин, выброшенных автомобилей, контейнеров, старых ветряных мельниц и конструкций из металла. Из-под земли прыскали ручьи отравленной жидкости; мотоцикл, шлёпая, преодолевал их, и вновь ускорялся. Твёрдая поверхность напоминала раскалённую сковороду. Никогда в жизни я так сильно не желал оказаться где-нибудь

в прохладном и свежем месте, а глоток воды в те секунды казался лучшим спасением. Я пытался понять, что произошло – откуда взялся диск под землёй; когда, кем и по какой причине он был спрятан в лесу; наконец – почему я проснулся здесь, под палящим солнцем, в этом отравленном и пустынном месте.

«Словно затянувшийся кошмар, – уверял я себя. Однако внутренний голос спрашивал: – Руки болят, лицо сгорело на солнце… жажда мучает беспощадно, – какой же это сон?»

Раскалившийся на солнце «Пацифик» громко ревел, минуя груды отходов. Точно погребальный костёр, пожар горел под плотными слоями мусора; ядовитые испарения заполнили лёгкие. Казалось, будто я медленно сгораю изнутри, и вскоре не смогу больше дышать. Наконец, среди обломков и гор пластика появилось нечто вроде тропы, засыпанной песком. Куда она вела – неизвестно: бесконечная свалка была всюду, насколько хватало глаз. Я долго ехал вслепую, и только когда вихри песка улеглись на землю, повернул ручку газа. Мотор заревел сильнее, и грохот двигателя разлетелся во все стороны.

Должно быть, прошло больше часа после моего пробуждения, когда на горизонте показался силуэт города. Вскоре дымка развеялась, и я лучше смог рассмотреть его контуры. Нью-Йорк? Нет, это был иной город – такой же большой, но раскалённый, танцующий в дрожащем мареве и окружённый густым туманом. Я вновь огляделся вокруг. Впереди появи-

лись пригороды: первые здания, улицы, свободные от мусора, но заваленные дюнами и старыми баррикадами. Что здесь случилось? Я ещё долго всматривался в заколоченные окна зданий, проулки и улицы, надеясь увидеть хоть кого-нибудь. Тщетно. Абсолютная тишина; вокруг – ни одного человека. Не было даже птиц на крышах и проводах: казалось, будто всё вымерло.

В это время дорожное покрытие оборвалось. Крутой спуск уводил к огромному котловану, словно ко дну высохшего озера. Я попытался аккуратно съехать, но не рассчитал силы: старый «Пацифик» полетел вниз. Падение оказалось недолгим, однако на этот раз мотоцикл не выдержал удара. Старые детали, казалось, разлетелись на милю вокруг. Я опять сильно повредил руку и ударил плечо, даже решив, что сломал его. Лицо всё было в песке. Ноги провалились в расщелины, зацепившись за высохшие ветви кустарника.

Я оказался на поле, расположенном перед городом.

IV. РАЗРУШЕННЫЙ ГОРОД

– Э-э-эй! – крикнул я.

Никто не ответил.

– Кто-нибудь!..

Молчание.

«Нужно идти», – понял я и вновь направился в сторону города.

Позади осталась ядовитая пустыня. Прошло, наверное, больше двух часов после моего пробуждения. Я ещё раз прокрутил в мыслях последние события: диск в лесу, моё перемещение; затем – пыльная дорога под раскалённым солнцем и очередное падение в пустошь. Вокруг на поле лежали останки разбившегося «Пацифика», не выдержавшего последнего удара.

Только сейчас я почувствовал, что растянул руку и правую ногу, но – чудо! – заметил, что серьёзно не повредил ничего: даже пальцы остались целыми. Правда, царапины на солнце и грязном, сухом воздухе болели и могли серьёзно ухудшить моё состояние.

О собеседовании не приходилось даже и думать. Как выбраться и попасть обратно – вот чем были заняты мысли. Стряхнув пыль с одежды и постаравшись расслабить ногу, я окинул бросил взгляд на устрашающий вид зданий. Пожел-

тевшие фасады стояли в беспорядке, как после удара стихии. Да, именно таким был город – тихим, пустым и мёртвым, но вот что странно: это не маленький городок – скорее, напротив! – большой мегаполис раскинулся впереди. И тем страшнее выглядели улицы. Скелеты сооружений вот-вот должны были обрушиться; стеклянная оболочка фасадов зияла брешами. Огненный закат лизал руины башен. Небоскрёбы прятались за слоем грязи и оранжевого песка, пропуская свет сквозь себя, словно призраки.

Город был полностью заброшен.

С другой стороны – гигантская стена – высокая и длинная, будто огромная подкова, уходящая к горизонту. Трудно сказать, чему я удивился больше: картине пустого города или этой стене, окружающей город. На вершину её вели ржавые лестницы; старый бетон плоскости потемнел от времени. Для чего построена эта преграда; и что за поле между стеной и городом – словно дно высушенного моря? Неизвестно. Все мои версии были неполными и обрывочными. Опять вопросы возникали, множились, а ответов больше не становилось. Всё, что я видел вокруг – немыслимый ребус: одна сплошная загадка.

Я даже не знал в точности, где оказался. С Ларри мы отъехали от Нью-Йорка на юг, но где в действительности может располагаться заброшенный город, и почему он заброшен? Вполне возможно, что в этом месте скрывается нечто опасное, ведь люди не случайно покинули его. Однако нужно ид-

ти: иного выхода нет. Оставаться в пустыре посреди сухой земли – всё равно, что обречь себя на медленную смерть от истощения.

Преодолев огромный котлован пустоши перед городом, я поднялся, вскарабкавшись на дорогу, и вновь осмотрелся. К этому времени ветер совсем стих.

– Э-э-эй! – вновь крикнул я.

Тишина. Красные лучи заката обливали пустынные улицы. Багровое небо направляло остывающие лучи солнца в обломки строений. Вместо дороги – некая смесь из потрескавшегося асфальта, остатков мебели, техники, груд мусора и оранжевого песка.

Про себя я удивился тому, сколь высоким был город: несмотря на разрушения, выглядел он впечатляюще – насколько впечатляющим может быть заброшенный город. Башни поднимались на сотни этажей ввысь; многие здания взмывали в небо. За фасады цеплялись антенны, лестницы, экраны, часы. Я поднял голову: кое-где между зданиями шли автомобильные трасы. Целые ярусы металлических конструкций готовы были в любую минуту упасть на землю. К стенам крепились потухшие рекламные щиты, а некоторые фонари продолжали мигать, тускло освещая улицы и окропляя старый асфальт искрами.

Вечер быстро сменился ночью.

Нестерпимая жара вдруг уступила место крепчавшему холоду. Оставшиеся голограммы и горящие этажи зданий раз-

бавляли мрак, отчего казалось, будто вокруг – картина будущего. Наконец, я остановился, потёр руку и огляделся. Одна улица сохранилась удивительно хорошо – возможно, она была покинута в последнюю очередь. Вместо оранжевой корки под ногами – ровное покрытие; вместо руин – уцелевшие колонны банков и сохранившиеся лестницы музеев. Стёкла держались в рамах, двери не были завалены песком и мусором.

«На первый взгляд, улица обычного города», – подумал я.

Но главное – небоскрёб-гигант посреди этой улицы, почти не тронутый опустошением. Он был значительно выше остальных зданий. У металлических дверей блестела надпись: «Главный вестибюль». Внутри свет горел, как прежде: очевидно, лампы автоматически включались ночью, расходуя энергию, полученную днём от солнца. Сверху рисовались две большие буквы и надпись; вероятно, раньше здание принадлежало какой-нибудь крупной компании. Трудно было найти место лучше, чтобы переждать ночь.

Двери были открыты. Внутри – большой холл, наполненный грязной техникой, мебелью и уводящий к лестничному проёму. Я прошёл к коридору и стал подниматься вверх по ступеням. Чем выше лежали помещения – тем чище они выглядели и тем лучше сохранились; лампы мерцали, а где-то горели, как прежде. На полностью освещённом этаже мне удалось обнаружить довольно чистую и просторную комнату, вероятно – бывший офис.

Там, прямо на твёрдом полу, я и уснул.

V. СТЕНА

Горячие лучи солнца разбудили меня. Всё было облито ярко-оранжевым светом. Старые часы на стене ещё шли и показывали время: десять утра. Очень хотелось пить – жажда чувствовалась всем телом. Однако нужно было осмотреться.

Я находился в сравнительно чистом помещении. Стёкла не были разбиты. На стене висел потрескавшийся экран – нечто вроде огромного компьютера; на потолке – лампы, которые самостоятельно выключились с появлением солнца. Я подошёл к экрану: он продолжал светиться тусклыми пикселями, и мог помочь мне узнать хоть что-нибудь. Дата в верхнем углу стояла неверная, посередине – искажённое изображение карты Земли; сверху располагалось около ста программ и иконок. К сожалению, этим его работа ограничивалась: экран лишь тускло светился и, очевидно, был сломан.

«Какое странное противоречие, – подумал я: – огромные экраны, голограммы, сложная архитектура, и всё это – брошено?»

Однако думать было тяжело – жажда по-прежнему мучила беспощадно. Я решил, что не могу погибнуть из-за простого обезвоживания, после стольких событий – нужно понять, что и *как именно* случилось со мной.

Вновь осмотрев помещение, я принялся искать воду. В шкафах лежали горы жёлтой бумаги, кое-где остались рычаги, неизвестные мне механизмы, пульты, аккумуляторы и провода. Всё это напоминало инженерную лабораторию, которую спешно покинули, оставив на растерзание времени. Заглянув в тумбу одного из столов, я увидел там несколько железных канистр: разумеется, ни капли воды в них не было. Тут же я нашёл жестяные ёмкости с надписями продуктов. В следующем по счёту шкафу стояли бидоны, на этот раз не пустые. Я взял один: звук бульканья возвестил о том, что внутри что-то есть.

Я осторожно открыл железную горловину; капнул на палец и попробовал.

Это была вода. Силы возвращались стремительно; никогда в жизни я не пил с таким наслаждением. Тело наполнила свежесть, и осушив небольшой бидон, я припал к следующему. Тотчас желудок возвестил о новой потребности: голод. Я не ел, должно быть, больше тридцати часов. Взгляд вернулся к контейнерам с едой и надписью «длительное хранение». Очевидно, глупо искать пищу в заброшенном городе, однако перспектива голодной смерти казалась страшнее, а надпись свидетельствовала о том, что содержание может быть съедобным. Я взялся за железное ушко; осторожно открыл, услышав щелчок и даже не почувствовав запаха. Внутри – бесцветная мягкая смесь, однородная и неприятная на вид. Наконец, пересилив отвращение, я наклонился и проглотил

немного.

«Думать, думать, думать!» – пронеслось в мыслях.

Лишь сейчас я мог рассуждать здраво, понимая нелепость случившегося. По-прежнему видел заброшенный город, чувствовал ожоги на теле, а значит – всё это не сновидение и не ужасный кошмар. Я думал о Ларри, «Пацифике», овраге и белом блюдце устройства под землёй – обо всём, что случилось за последние сутки. Очевидно, нечто переместило меня из леса, но что, с какой целью, и как далеко, – неизвестно. Всё вокруг было похоже скорее на Мексику, южный Техас или Долину смерти, чем на Восточное побережье.

Теория о том, что я наткнулся на военный объект, казалась самой правдоподобной. Хотя объяснить то, как нечто переместило меня из леса, не представлялось возможным. К тому же сомнительным казалось то, что в национальном парке могут храниться секретные военные объекты, а у самих военных в распоряжении может находиться целый город, пусть и совершенно пустой.

Я посмотрел на тонущие в пыли силуэты башен, улицы и грязные экраны за окном, почувствовав, будто всё это – черты иного, чужого мне мира. Блуждающие дюны, брошенные автомобили, разбитые окна и бесконечные разрушения по соседству с горящими фонарями, голограммами и поразительной архитектурой – всё вместе это выглядело нелепо, странно, пугающе: нечто несовместимое было в деталях города.

Оказалось, что забрался я довольно высоко. Чтобы спуститься, следовало преодолеть около тридцати этажей. Спуск был непростым: лишь спустя полчаса я миновал помещения, главный вестибюль и покинул небоскрёб. Внизу та же картина, что и вчера: пыль и разрушение. Нестерпимый зной. Дрожащее марево обволакивало землю и горячий асфальт. «Нужно идти к стене», – решил я, вспомнив, что увидел вчера гигантский щит из бетона, опоясывающий город с одной стороны: вероятно, именно это поможет мне найти выход.

Уличный воздух был ужасно душен. Солнце нагревало улицы и раскаляло стены зданий; стояла совершенная тишина. Ни птиц, ни зверей, ни деревьев. Всё было заброшенно и опустошённо. «Как странно, – подумал я, – со временем город заполнился бы травами, обитателями вроде птиц, лисиц, енотов; наконец, в городе могли остаться брошенные собаки. Но вокруг нет никого». В щелях и под ногами не было даже насекомых: наверное, за всю жизнь мне не приходилось видеть места столь безжизненного.

По пути я наблюдал картины работы времени. Автомобили стояли без стёкол, рядом – летательные аппараты, похожие на диски, некоторые из них – наполовину в песке. Я в очередной раз почувствовал, что видимое мной – диссонанс: зрелище невозможное, противоречащее само себе, в котором фантастические технологии оставлены в пустом и раскалённом городе посреди мёртвой пустыни. И чем дольше

я находился в том месте, тем больше ощущал, что потерял здравый смысл, всякую связь с реальностью.

Солнце было в зените, когда я подошёл к стене, преодолев последние улицы и вновь пройдя через пустошь, окружающую город. Вероятно, я мог добраться быстрее, если бы реже останавливался. Необходимо было как-нибудь выяснить, что скрывается за стеной, а для этого – найти арку, тоннель или выход. Я прошёл по периметру около мили, но не нашёл ни того, не другого. Трудно сказать, зачем люди построили это сооружение; ясно лишь то, что это настоящее воплощение защиты. Оставалось только понять, от чего. Вскоре мне удалось обнаружить лестницы, ведущие наверх: по одной из них я и решил взобраться. Вертикальный подъём не был простым, и занял не меньше часа. Порой казалось, что старые крепления не выдержат моего веса, и я упаду, разбившись в котловане, подобно «Пацифику». Железо сильно нагрелось и проржавело, из-за чего ладони покрылись ранами и стали ярко-оранжевыми.

Наконец, я стряхнул пыль с лица и тяжело отдышался, достигнув вершины. Казалось, наверху воздух был ещё горячее.

Вновь передо мной открылся пейзаж мёртвого города. Ни одного дерева, ни следа зелени. Небоскрёбы покрывал толстый слой пыли; многие здания вот-вот должны были рухнуть. Надежда найти людей исчезла. Нигде нет ни огней, ни движения, ни даже дыма костра. Всюду – одни лишь бетон-

ные скелеты, пустые каркасы застывших строений, редкие вихри песка и пыли. Башни застилали небо, и улицы тянулись до самого горизонта. Идти было далеко и опасно. Бросив взгляд в то место, где разбился «Пацифик», я повернулся в другую сторону.

И тотчас замер.

Внизу простирался океан. В первое мгновение я даже не поверил своим глазам. Да, это был океан: водная гладь простиралась до самого горизонта и находилась выше уровня города; стихия словно ждала момента, чтобы обрушить преграду и затопить город. Значит, защита нужна для того, чтобы избежать наводнения. Возможно, именно опасность наводнения служила причиной того, что город заброшен.

Этого я совершенно точно не ожидал увидеть. В ядовитом компоте плавали тонны отходов: доски, шины, куски пластика. Серая пена сглаживала волны, и слой токсинов переливался на солнце цветами радуги. Море было словно стеклянным. Трудно было ощутить даже бриз и солёный запах – их затмевали запахи ядовитых испарений. Слёзы выступали на глазах, одновременно от тяжёлого потрясения и воздействия вредных испарений. Я не хотел верить в то, что увидел; сама панорама того места была отталкивающей. Новые вопросы волной приходили ко мне, но ни на один из них я не мог дать чёткого ответа.

Очевидно, мегаполис не случайно оказался в засушливой впадине; это могло случиться с небольшой деревней, обсер-

ваторией или поселением – но не с огромным городом. Очевидно и то, что ядовитый пейзаж является последствием долгого загрязнения. Даже в пустынях, самых суровых местах планеты теплится жизнь: в песке могут прятаться змеи, насекомые, пауки, а на поверхности обычно остаются следы скудной растительности. Однако раскинувшаяся передо мной панорама была полностью стерильна, лишена каких бы то ни было признаков жизни.

Разные пазлы картины не подходили друг к другу. Огромный и технологичный город, брошенный на произвол судьбы и расположившийся ниже уровня моря: само описание этого места звучит нелепо. Мысленно я проверил множество теорий, начав со смертельного вируса, катаклизма, техногенной катастрофы и заканчивая военным столкновением, но ни одна из версий не была достаточно убедительной. Лишь затем я вновь подумал о собственном исчезновении, решив, что это – чей-то замысел, результат воздействия скрытой силы; но чем была эта сила, кому понадобилось оставить несчастного студента в отравленном городе – загадка.

Так и не придя к разумному объяснению увиденного, я спустился обратно на землю.

VI. НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ

Уцелевшие улицы вполне могли помочь мне какими-нибудь припасами или вещами. Я подошёл к бывшим торговым местечкам: в некоторых горели голограммы, и внутри было достаточно светло. Оранжевые лучи пробивались сквозь трещины и дыры разбитых окон. Везде было грязно, всюду царил страшный беспорядок.

Повсюду в магазинах висела одежда, пришедшая в негодность. В ювелирных бутиках остались нетронутые украшения и драгоценности. В одном из отделений с одеждой я взял два куска ткани, из них сделал повязку на голову: она могла спасти днём, когда казалось, будто мозг плавится от высокой температуры. В отделениях с едой, напротив, было пусто. На прилавках – ни единой буханки хлеба или бутылки с водой. Щели покрывала грязная паутина. На улице я обратил внимание на оставшиеся автомобили. Большинство машин было повреждено, и вряд ли их можно было использовать. В некоторых местах в песке лежали полуразрушенные лодки – свидетельства наводнений. «Значит, – понял я, – цунами уже накрывало город: люди ушли именно из-за этого».

После безрезультатных поисков я вновь подошёл к зданию, в котором провёл ночь, решив, что если не удастся выбраться в ближайшее время, башня может послужить мне

убежищем. На этот раз я решил исследовать небоскрёб полностью. Подъём предстоял долгий: здание вмещало больше ста этажей. Офисы и комнаты внутри сохранились достаточно хорошо, кое-где даже лежали книги и справочники, словно некто пользовался ими недавно. Несколько раз я останавливался на лестнице, чтобы отдохнуть и осмотреть помещения, и лишь к вечеру смог достичь последнего этажа.

Начинался закат. Сквозь панорамные окна открывался вид на весь город: туман ядовито-оранжевого цвета окутывал улицы. Разные кварталы лежали, как на ладони. Рядом стояло лишь несколько таких же высоких башен, остальные стелились ровным ковром внизу. Этажи некоторых зданий по-прежнему были освещены. Я посмотрел дальше. С другой стороны город выглядел иначе: разрушений там было меньше, а здания казались чище.

Но главное открытие ждало меня впереди. Небольшой светлый коридор вёл в отдельную комнату – нечто вроде большого выставочного зала. Прозрачный купол имел форму ассиметричного конуса, а снаружи растянулась площадка и небольшая терраса. Царила идеальная чистота, как в хирургическом кабинете. Наконец, по центру располагалось восемь плавающих в воздухе эллипсоидов, идеально гладких, неподвижных и лишённых признаков повреждения. Если их можно было бы уменьшить в тысячу раз, они напоминали бы капельки ртути. Устройства совсем не касались пола – они бесшумно болтались в воздухе, словно магнитом от-

талкиваясь от поверхности. Лишь подойдя ближе, я различил, что у них есть двери, крошечные фары спереди и едва заметные отверстия с двух сторон. С первого взгляда невозможно было определить, что передо мной – средства передвижения: столь необычно они выглядели.

«Летающие машины», – промелькнуло в мыслях.

Да, в зале парили машины, и тем удивительнее было моё открытие. Технологии города, казалось, опережали знакомые мне технологии на столетия. Я вновь внимательно обвёл взглядом помещение: эллипсоиды выглядели совершенными. Никаких звуков, только едва уловимое колебание: «Т–н… Т–н…» Зеркальная поверхность была почти лишена выпуклых деталей – лишь тонкие полоски дверей, словно люки, и квадраты солнечных панелей с синими точками позади – вот и всё, что можно сказать об их внешнем виде.

Одна из машин была открыта. Я осторожно забрался внутрь: капсула немного подпрыгнула, качнулась в воздухе и начала вращаться вокруг своей оси. Спереди – широкая, будто отполированная панель управления. С краю брезжила синяя точка. Когда я прикоснулся к ней, тёмная панель загорелась яркой палитрой – россыпью цифр, таблиц, обозначений, окружностей и иконок. «Целый компьютер», – подумал я. По всей видимости, панель управления заменяла привычные педали, рычаги и приборы. На экране горело не меньше двадцати надписей: «язык», «температура», «скорость», «освещение» – очевидно, названия разных систем. В следу-

ющее мгновение я заметил красный значок в углу: «4%». Неудивительно, что батарея разрядилась за время, пока машиной никто не пользовался; и всё же каким-то образом она сохранила четыре процента.

«Верно, – понял я. – Она заряжается от солнца».

Стоило лишь направить её к вечернему свету. Выпрыгнув, я стал двигать машину по воздуху к рыжим лучам заката. Квадрат солнечной панели располагался сзади: повернув эллипсоид ладонями в воздухе, я направил фотоэлемент на лучи, бьющие через стекло. «Фи–у..» Тихий сигнал подтвердил начало подзарядки.

– Готово, – сказал я себе, отряхнув руки от пыли раскашлявшись.

Голодная батарея приступила к трапезе: нехитрая работа была завершена. Машина могла вывести меня из ловушки города – следовало лишь подождать, пока эллипсоид зарядится. Затем – научиться управлять им и улететь; отыскать людей, вернуться в Нью-Йорк. Наконец, рассказать об удивительной истории моего путешествия.

Конечно, в тот момент я не подозревал, как далеко оказался от дома, и что путешествие моё только начинается.

VII. НЕУДАЧНЫЙ ПОХОД

После заката я опять спустился ниже в надежде найти воды. Жажда вновь мучила страшно. К счастью, в шкафах на одном из этажей удалось найти ещё три бидона. Как и в прежний раз, я проверил содержимое, припал к горловине и насытился влагой.

А затем уснул.

Следующий день – всё заново: горячие лучи стреляли в лицо, обжигая, заставляя проснуться и встать.

Однако встать было нелегко. Постоянный зной ослабил тело: есть совсем не хотелось. Сон не придал бодрости; казалось, боль поселилась в голове. Дышать было трудно. Я хрипел, как больной старик, и кашлял, не переставая.

Впрочем, нельзя оставаться в здании. На спасение нет надежды; нужно исследовать улицы – возможно, они смогут дать хоть какой-то ответ. Тут я вспомнил о вчерашней находке: при мыслях о ней сразу стало легче. «Остаётся лишь подождать, – решил я, – пока батарея зарядится, и машина будет готова к полёту. Тогда и удастся выбраться…»

Я медленно спустился. Миновал огромную лестницу: только на это ушло не меньше часа. Внизу – чудовищный жар. Я выдохнул и быстро надел повязку из ткани, направившись в кварталы, которые ещё не успел исследовать.

Проспекты становились чуть шире. Местами на асфальте показывалась высушенная трава, похожая на пшеницу. Теперь я видел больше старинных построек. Где-то коридор зданий совсем прерывался – в таких местах зияли провалы, а многие дома просели, плотно вдавившись в землю, словно их фундаменты уже давно разрушились. Стоял полдень. Я жалел, что зашёл так далеко. Перестала спасать даже белая повязка. На одной из улиц показались деревья – правильнее сказать, то, что от них осталось: на ветвях не держалось ни одного листка, а сухая кора отходила от стволов. Почва под стволами рассохлась, покрылась расщелинами.

Вскоре подул ветер; горячая пыль взмыла в небо. Казалось, даже слабые дуновения поднимали с земли песок и мусор, перенося его с одной горы руин на другую. Ветер крепчал. Песчинки вонзались в кожу, в лицо прилетали даже куски пластика. Я подумал, что через несколько веков песок, вероятно, полностью поглотит город, если океан не сделает этого раньше.

Между тем порывы ветра усиливались. С трудом ориентируясь, я побежал обратно: миновал развалины, чудовищные пустоты и арки упавших башен. К потяжелевшей голове и упадку сил теперь прибавился ещё кашель – он стал сильнее. В некоторые моменты песок полностью закрывал небо, и становилось темно. Ветер срывал полотна рекламы, и мог поднимать теперь даже достаточно тяжёлые предметы. Мной овладел ужас. Глупо было остаться в городе из-за очередной

неосторожности. Я наглотался пыли; её частицы заполнили лёгкие и стали скрипеть на зубах. Песок попала в глаза, и вся одежда покрылась рыжеватым налётом.

Трудно сказать, как мне хватило сил, чтобы сориентироваться и дойти обратно, в убежище знакомой башни, затем – подняться до верхнего этажа. Я хотел узнать о машине. К счастью, эллипсоид по-прежнему заряжался, болтаясь в воздухе: батареи глотали фотоны рыжих лучей. Я осторожно перенёс по воздуху машину к западу, в сторону солнца. Уровень заряда к этому времени достиг отметки в двадцать три процента. Процесс шёл, разумеется, не слишком быстро; но он шёл – и это уже было хорошо.

Успокоившись и отдышавшись, я уснул на последнем этаже, прямо возле машины: очередной день пролетел быстро.

На следующее утро я даже не мог встать. Дыхание сделалось неровным и прерывистым. Казалось, сознание окутано туманом, подобно тому, как город окутан ядовитой дымкой. Всё же я встал, подошёл к окну, долго кашляя и вглядываясь в оранжевую полоску горизонта, возле которой появились облака. У меня было состояние, когда способность думать, казалось, утрачена. Город убивал меня, медленно и необратимо: оставаться дольше в нём было опасно, иначе смерть почти неизбежна. Я вспомнил о лесной роще, в которой когда-то заблудился – казалось, с того дня прошла целая вечность.

«Нужно найти выход. Как можно скорее», – решил я,

вновь посмотрев на заряжающийся чёрный эллипсоид машины. Уровень заряда уже достиг сорока процентов. Убедившись в том, что машина заряжается, я опять начал осматривать помещение. В шкафах лежали аккумуляторы, батареи, прозрачные аппараты, там же – запасные детали парящих устройств: фотоэлементы, провода и винты. Среди бесчисленного количества вышедших из строя устройств мне удалось найти одно уцелевшее. На небольшой панели горела красная точка; я провёл рукой по экрану и различил слабое шипение.

Проведя ещё раз по экрану панели, я услышал мелодию: возможно, она уже встречалась мне прежде. Я сделал звук громче; после двух дней тишины слух улавливал каждую ноту. Живая, человеческая музыка казалась в ту минуту лучшим подарком.

VIII. БУРЯ

Начинался закат. Весь день я провёл, ожидая, пока машина зарядится полностью. Песчаная буря давно стихла, хотя ветер ещё гулял между зданиями. Мысли теперь не спутывались; музыка каким-то необычайным образом придала мне жизненные силы. Я посмотрел на чёрные эллипсоиды и опять перевёл взгляд за окно: облака на небе стали толще.

Взяв с собой найденное устройство, я спустился по лестнице и вышел на улицу. Музыка звучала, придавая бодрость. Ужасный зной исчез – на место ему пришла прохлада и ветер, дующий со стороны океана. Казалось, даже город обрёл иной вид: пустые улицы выглядели, словно декорации, оставленные для какого-то фильма. Наслаждаясь прохладой, я не обратил внимания на порывы ветра и не придал значения толчкам, идущим из-под земли. Я слушал музыку, представляя, что сейчас мне ничто не способно угрожать.

Но я ошибался.

В стороне океана туча охватила небо: казалось, сейчас она всем весом обрушится вниз. В чёрных слоях гремели грозовые залпы, а воздух был насыщен электричеством. Я подошёл к впадине пустоши перед городом, рассматривая сгущающиеся чернила воздушных склонов. Назревало что-то зловещее: ветер дул с такой силой, что приходилось нагибаться

под его порывами. Внезапно толчки усилились. Ветер стих на мгновение; раздался звук, будто что-то лопнуло в океане. Из-за стены вылетел столб воды, и волна с грохотом обрушилась на землю. Послышался взрыв столкновения. Океан за стеной, подобно воде в ванной, бурлил, рискуя перелиться через край и затопить всю низину.

Причина перемен ясна – надвигается буря.

Пустошь перед городом, заполнялась солёной пеной, точно бассейн. Очнувшись от этого зрелища, я бросился обратно в город. Ветер летел впереди: он сметал кровли и листы металла, переворачивая груды мусора и раскачивая скелеты зданий. Через мгновение вода ворвалась в город. Беспощадные волны бежали по сетке проспектов, разнося всё на своём пути. Где-то от их натиска уже рушились здания, но грохот заглушался шумом воды. Над землёй плыли ржавые автомобили, фонари, светофоры, вместе с ними – обломки зданий, помещения первых этажей: двери, сидения и рамы окон. Обломки могли убить меня в любую секунду. Я бежал, с такой жадностью глотая воздух, с какой волны глотали небоскрёбы и авеню. Железные конструкции крошились, окунаясь во взбешённые волны.

Вскоре передо мной появилась заветная башня с летающими машинами внутри. В душе я радовался всем сердцем, что смог убежать от надвигающегося моря. Когда до входа оставались считанные шаги, волна подхватила меня сзади, силой швырнув внутрь здания. Сначала я даже не понял, что

попал в воду. Со мной в горячий поток падали плитки, мебель, куски железа и пластика. Главный вестибюль за секунды заполнился водой; остатки интерьера были сметены и разрушены. Голова сильно ударилась о что-то, а солёная пена обожгла глаза. Глотая размешанную в воде грязь, я поднялся на лестницу – к счастью, там было ещё сухо.

Вода прибывала. Собрав последние силы, я стал карабкаться вверх: там было моё спасение. Вокруг – абсолютная тьма и грохот. Снаружи раздавался гул и скрежет рвущегося металла. Само здание будто ожило: стены тряслись под воздействием ударов воды. Наконец, скоро этажи кончились – не знаю, как я смог забраться так быстро. Сердце работало, словно поршень, и толчки разносились по всему телу. После стремительного подъёма силы иссякли полностью. Удивительно, но к этому времени солнце ещё продолжало светить оранжевыми лучами; туча не успела захватить всё небо и лишь медленно наступала. Я посмотрел вниз. Вода прибывала: океан ворвался в город, разгуливая на правах захватчика. Каждое мгновение на горизонте обрушалось строение – дома словно карточки, складывались, цепляясь друг за друга и вызывая падение новых зданий.

Необъяснимый гул усиливался, ветер бился об окна сильнее. Океан штурмовал город. Я вновь посмотрел в сторону моря и замер: новая стена вода неслась к городу. В сравнении с ней остальные волны казались крошечными. Небо в той стороне стало совершенно чёрным. Толчки усиливались,

небоскрёбы раскачивались, как маятники. Трудно определить, сколько футов в высоту достигала стена воды – даже громадина бетонной стены выглядела теперь, словно небольшой забор.

Город был обречён.

Всё дрожало от одного только предзнаменования удара. Волна миновала несколько улиц, вырывая асфальт из земли и отдёргивая от зданий куски этажей и помещений. Сами здания теперь смешивались в одну кучу и тонули в глубокой бездне.

Я подбежал к машинам. Трудно было сказать, что ожидало меня – полёт или падение. Однако не возникало и тени сомнения в собственных действиях: всё происходило точно само собой. Я включил панель управления; уровень заряда к тому времени достиг пятидесяти трёх процентов. Тотчас выдвинулся штурвал. За окном соседние небоскрёбы разрушались, не выдерживая удара воды. Я оттянул штурвал на себя: эллипсоид вспорхнул, мгновенно разогнался, ударившись о стекло здания и оставив огромную дыру в стекле небоскрёба. Машина летела! Значит, я мог спастись; минута промедления – и было бы поздно.

«Опасная высота, – твердили приборы. – Поднимитесь выше. Поднимитесь выше».

Я ускорялся. Мимо неслись здания, вихри песка, осколки, брызги. Потоки ветра сбивали эллипсоид, будто стараясь утопить его в море. Управлять машиной было непросто; те-

ло бросало из одной стороны в другую. Тотчас я описал петлю, рискуя врезаться в волны или тонущие стены зданий. В то же время я мог вылететь из машины: двери по-прежнему были открыты. К счастью, вскоре удалось закрепить штурвал; я направился вверх, чтобы уйти от наводнения. Океан рос на глазах, распространяясь теперь от горизонта до горизонта. Осыпалась бетонная стена, разрушились многие башни, и лишь некоторые стояли в воде, как свечи. Граница, отделявшая море от суши, стёрлась, и начала необратимо продвигаться на запад. А на западе, где-то далеко позади меня, угас последний луч солнца, и тучи закрыли всё небо.

Однако шторм только начинался.

Дождевые склоны, словно горные выступы, поднимались на целые мили. Я думал, что упаду в море. Вдруг – новый водяной шквал: он налетел резко, как стена. Об обшивку с грохотом бились капли, а раскаты грома были похожи на взрывы бомб. Снизу бушевал океан; с неба, падая, хлестал дождь, будто стремясь проломить стекло машины. Наконец, нажав на одно из полей экрана, я смог закрыть двери. Сразу же стало тише. Грохот молний больше не оглушал, хотя всякий раз заставлял содрогнуться. Я нажал на иконку в углу – «автоматический режим полёта». Машина немного выровнялась, и движение стало плавным.

По какой-то причине программа самостоятельно взяла курс в сторону океана. В это время стало совсем темно, и лишь молнии вспыхивали в разных местах, словно раска-

лывая воздух на части и освещая бесконечное море. Внизу волны достигали ужасной величины: вероятно, один гребень мог легко смести небольшой город. Машина поднималась и опускалась множество раз, сталкиваясь с порывами ветра.

Так прошло около трёх часов. Я засыпал и вновь просыпался, тщетно пытаясь найти признаки человека. Ураган постепенно стих, волны уже не казались такими огромными. Заряд машины снизился: теперь он подошёл к отметке в двадцать четыре процента. Грозные краски ночного шторма сменились спокойными, серо-голубыми цветами моря. Я осмотрел панель управления в поисках навигационной системы. В этот момент на горизонте загорелись ярко-синие точки, похожие на огни города. Я вновь взялся за штурвал, перейдя на ручное управление. Эллипсоид сбросил высоту, тёмные капли на стекле покатились вверх по мокрым дорожкам. Краска воды плавно переходила в небо, смешиваясь, словно слои кофе в стакане. Ориентироваться было тяжело; я вновь полагался на случай.

«Опасная высота. Поднимитесь выше, – настойчиво повторял электронный голос. – Поднимитесь выше».

Дождь по-прежнему накрапывал, обволакивая влагой стекло, поэтому очертания синих точек были смутными. Очевидно, за полосой огней были люди; но что это, – материк, остров или корабль? Пока я тщетно пытался разглядеть что-нибудь сквозь слой воды на стекле, яркий объект пролетел рядом с машиной. Я пригляделся: в то же мгновение це-

лая очередь странных шаров, словно скопище шаровых молний, пролетела близ машины.

Хлопок!

Очередной шар оказался совсем близко. Через мгновение экран вспыхнул и тут же погас; панель управления отключилась, и машина полетела вниз. Ещё мгновение – и я потерял сознание.

MOTEL INE
FUTURE
HOTELS
24 S
HOLOGRAM

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. АТЛАНТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

I. ТРОЕ

Я собрал все силы, чтобы открыть глаза. Рядом стояли колбы с жидкостями разного цвета, устройство, похожее на операционный стол с множеством рукояток. Вокруг – белая подсвеченная стена, сложенная из шестиугольных плиток; экраны с бегущими строками и сотнями различных параметров. Значит, я выжил, а синие точки на горизонте были человеческими огнями. В те секунды я не думал ни о том, кто эти люди, ни о том, земля это или остров. Важнее всего было выяснить, сколько прошло времени и как вернуться в Нью-Йорк.

Сознание было затуманено. На лице – прозрачная маска, соединённая трубочкой с каким-то аппаратом. Страшная слабость. Я не мог встать, пошевелиться, не мог поднять руку, однако понимал, что нахожусь рядом с людьми, и что мне уже ничто не может угрожать. Рядом зазвучали чьи-то голоса: речь шла на английском. Я прислушался к разговору.

– Уже лучше, – сказал кто-то.

– Дыхание?

– Тяжёлое.

– Зачем он летел?

– Беженец, по всей видимости.

Последние слова прозвучали с особой уверенностью. Ря-

дом с говорящими парило нечто вроде электронной клавиатуры. Силуэты людей (я различал лишь общие черты) бесшумно нажимали на размытые клавиши, взмахивая руками, как дирижёры, и управляли изображениями.

Когда я второй раз открыл глаза, надо мною стояло три мужчины – очевидно, учёные; все – в белых халатах. Моё пробуждение их совсем не заинтересовало. Они изучали меня, как изучают химическую реакцию при смешении веществ в колбе. Я попытался издать звуки. Ничего не вышло; даже шёпот был роскошью для меня тогда.

Прошло ещё какое-то время, вероятно – несколько часов. Сознание, наконец, полностью вернулось ко мне. Спать совсем не хотелось. Я чувствовал, что могу мыслить и рассуждать. Руки слушались, а звуки стали острее. Казалось, вокруг царила абсолютная чистота: не было ни одной пылинки. Находился я всё в том же помещении, похожем одновременно на научную лабораторию и хирургический кабинет. В углу стояли два человека в халатах, занимаясь чем-то и редко обмениваясь фразами. Они смешивали жидкости, переливали их, и каждый раз тщательно мыли руки. Один из них повернулся, принялся управлять таблицей голограммы, ловко водя пальцем по воздуху.

В тот же момент вошёл третий человек. Я зачем-то хотел было притвориться снова спящим, но не успел закрыть глаза.

– Вам уже лучше? – спросил недавно вошедший мужчина.

– Лучше, – сказал я, тут же добавив: – какой это город?

Человек в белом халате удивился, вероятно, ожидая этого вопроса меньше всего.

– Сначала вы должны рассказать, зачем подлетели к станции, а затем, возможно, мы кое-что сообщим вам.

– Если я перескажу в точности всё, что произошло со мной, вряд ли вы сможете мне поверить.

Немолодой мужчина в халате улыбнулся.

– Попробуйте, – настоял он. – Мы всё выслушаем, будьте уверены. Скажите нам, куда вы летели, зачем и с какой целью.

– Могу только сказать, откуда.

– Говорите.

– Из тонущего, заброшенного города. Не знаю, как он называется; но, думаю, вы можете знать. Я летел от бури, пытаясь найти людей.

– Что ж, вы их нашли, – заключил незнакомец, после чего повернулся, быстро отсоединил меня от медицинских приборов и обратился к своему коллеге.

Человек, говоривший со мной, был мужчиной лет семидесяти. Как позже выяснилось – профессор. В целом, выглядел он как человек добрый, прямой и отходчивый. Говорил медленно и спокойно.

Из слов других мужчин я понял, что зовут его Джеффри Грант. Вышитый флаг на халате свидетельствовал о том, что он из Франции, хотя я в его речи я различил не французский, а, скорее, характерный шотландский акцент.

– Знаете, – начал мистер Грант, – нам приходится совмещать профессию врача с биологией, химией, физикой. Одновременно. На нас возложена огромная ответственность. Поэтому, какие намерения бы вы ни имели, мы вынуждены подтвердить полученные сведения на полиграфе, – объявил он.

И принялся соединять мои руки с проводами детектора. В это время подошёл второй мужчина – очевидно, лет сорока; высокий, со светлыми волосами и строгим голосом. По маленькому флажку Германии на его костюме я определил, что тот, вероятно, является немцем.

Наконец, всё было готово. Учёные проверили экраны компьютеров.

– У нас новый детектор, – заметил мистер Грант, – поэтому отвечать можете развёрнуто, хотя ответы «да» и «нет» нас тоже устроят. Главное, не пытайтесь обмануть полиграф: это бессмысленно. – Итак, – продолжил он, – вы утверждаете, что выбрались из заброшенного города? – В этом вопросе звучало сомнение.

– Именно так.

Детектор показывал, что я говорю правду.

– Предположим, – ответил учёный. – Что вы там делали?

– Я плохо представляю, каким образом там оказался.

– Как называется город?

– Не знаю.

Учёный покачал головой.

– Что ж, попробуйте описать его.

– Описание получится довольно ярким, – признался я. – Огромный, заброшенный город, копия Нью-Йорка; вокруг обнесён стеной, которая сдерживала океан, а кварталы лежали ниже уровня океана. Никогда ничего подобного я не видел. Мне пришлось провести там около трёх дней, после чего начался… шторм чудовищной силы, закончившийся наводнением, в результате чего стена была сильно повреждена. Вода затопила улицы, многие здания обрушились полностью. Очевидно, сейчас город почти полностью уничтожен.

– Верно, – подтвердил учёный, тяжело вздохнув. Мне показалось, он знает о том, что произошло с тем городом. В это время детектор горел ярко-зелёным цветом. – Ваше имя?

– Том Хилл.

– Место рождения?

– Лондон.

– Отлично. Где жили в последнее время?

– В Нью-Йорке.

– Предположим. Что вы делали на заброшенной территории?

– Ведь я сказал: мне пришлось попасть туда не по своей воле.

После этого мне пришлось подробнее описать события последних дней. Я был слишком слаб, чтобы что-либо утаивать или приукрашивать, поэтому рассказал всё именно так, как помнил, начав с отъезда из Нью-Йорка и закончив своим полётом над бушующим морем. Детектор вновь показы-

вал, что я говорю правду. Мужчины обменялись взглядами, тщательно наблюдая за показаниями детектора и очевидно, принимая меня за умалишённого.

– Идём дальше, – продолжал Джеффри Грант растерянее. – Дата рождения?

– Тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый.

– Томас, прошу вас, говорите серьёзно.

Я вновь назвал дату своего рождения, и учёные обменялись взглядами. Детектор по-прежнему показывал, что я говорю правду.

– Ещё раз, – проговорил мистер Грант. – Спросим иначе. Итак: назовите не год… а век, в котором родились. Может быть, так вам будет проще.

– Двадцатый, – твёрдо ответил я.

С каждым моим ответом глаза учёных, казалось, больше округлялись, а лица изображали всё бóльшую степень удивления: их вид напоминал облик людей, встретивших сумасшедшего, или какое-то мифологическое существо. После ещё нескольких вопросов профессор выключил детектор, принявшись быстро изучать одну из панелей у себя на столе. Спустя минуту он поднял в воздух голограмму. На ней была моя фотография.

– Томас Хилл, – указал он. – Это вы?

– Это я. Откуда у вас моя фотография? – спросил я.

– Томас, прошу: сначала ответьте сначала на мой вопрос. Итак, ещё раз: на фотографии вы?

– Это я.

Светловолосый мужчина улыбнулся и встал.

– Господин Грисбург, – обратился профессор к нему, – позовите, пожалуйста, Мэтью.

– Хорошо, – сказал тот с лёгким немецким акцентом.

II. ОТКРОВЕНИЕ

Через минуту в помещение вошёл Мэтью, темнокожий мужчина, – очевидно, третий учёный, точно в таком же халате, как и у его коллег; на рукаве у него был вышит американский флаг.

Мистер Грант внимательно посмотрел на него, затем на Грисбурга и вновь на меня.

– Послушайте, Томас, – обратился ко мне учёный, – вы находитесь на дрейфующей станции.

Я вновь обвёл взглядом комнату.

– То есть… не на материке?

– Нет, выслушайте меня, пожалуйста, – говорил он с волнением, будто не зная, с чего начать. – Мы находимся в Атлантическом океане.

– Значит, это – корабль?

– Скорее, город на воде: огромное поселение. К слову, – продолжал он, – Устав регламентирует прибытие на станцию; отлёты и прилёты контролируются. Никто не может прибыть без разрешения на посадку, а его необходимо получить за три дня до прилёта. Поэтому ваша машина и была сбита: она пролетала прямо над станцией, и никто не знал, что скрывается в ней. Так вы оказались здесь.

Ненадолго воцарилось молчание.

– Значит, меня сбили вы? – спросил я.

– Система защиты станции.

– Это охраняемый объект?

– Нет, Томас, мы не военные. На станции проживает больше десяти тысяч человек – среди них почти все составляют гражданское население; можно сказать, это вполне обычный населённый пункт, правда, расположившийся посреди океана. В наше время легче выжить посреди моря, чем на суше.

Я ничего не понимал. Казалось, учёный хочет сказать мне что-то важное, но не решается и всякий раз упускает это.

– В последние годы я ни разу не слышал, чтобы люди селились в океане, но вы говорите об этом, как о чём-то само собой разумеющемся.

Учёные посмотрели друг на друга, ничего не ответив. Мистер Грант спросил:

– Томас, вам известна теория относительности?

– Конечно.

– Отлично. – Мужчина волновался, но говорил уверенно и вполне серьёзно. – Значит, вас не должно удивлять, что время сравнимо с потоком воды в реках с разной скоростью течения, и скорость эта зависит массы объекта. Итак, – продолжал он, подбирая слова, – время течёт с разной скоростью в разных точках пространства – медленнее и быстрее; даже между разными географическими объектами на Земле существуют определённые колебания. Несколько лет назад нам даже приходилось измерять их. В свою очередь, люди

предпринимали попытки контролировать течение…

– Времени? – перебил я.

– Да; я говорю серьёзно, Томас. Начиная с двадцатого века учёные занимались практическим изучением природы пространства-времени. Я вовсе не утверждаю, что попытки были успешными: в конце концов, это всего лишь попытки. По правде сказать, то, что мы можем заниматься исследованием этого предмета и проводить эксперименты – уже прорыв. Но рано или поздно очередной эксперимент завершится успешно. То, что сегодня кажется фантастикой, завтра будет историей: люди смогут перемещаться во времени. Если только один эксперимент уже не завершился удачно.

Сложно сказать, у кого в тот момент глаза были раскрыты шире: у меня или у учёного.

– Понимаете ли, мистер Хилл, – оправившись от волнения, продолжил профессор, – мы совмещаем медицину, химию, физику: кажется, я уже говорил? Мы проводим медицинские операции и множество опытов. Среди них есть и опыты, связанные с природой пространства-времени.

– Вы хотите сказать, что отправили меня в тот город?

Учёный тяжело вздохнул.

– Не нужно поспешных выводов. Поверьте, Томас, я удивлён не меньше вас, но вынужден опираться на факты. Нам известно следующее: вы родились в двадцатом веке, и давно уже должны быть мертвы.

По спине пробежал холод.

– Программа сообщает нам о полном совпадении черт вашего лица и лица Томаса Хилла, умершего в двадцать первом веке, – объявил профессор. – Этот человек жил очень давно. В действительности даже лица близнецов отличаются, однако ваши черты идентичны чертам того человека. Иными словами, это и есть вы. – Он ещё раз перевёл взгляд на голограмму и вновь на меня. – Показания сходятся. Год рождения – тысяча девятьсот восемьдесят четвёртый; место рождения – Лондон; штат проживания – Нью-Йорк. Нечто переместило вас к нам; вполне возможно, что виной тому могли быть учёные и с других станций.

После этих слов наступила недолгая тишина.

– Поймите, – точно оправдываясь, продолжил Джеффри Грант, – природа пространства-времени плохо изучена. Мы не всё знаем о ней, и вряд ли в сможем в ближайшее годы всё объяснить полностью. Однако новые технологии жизненно необходимы: люди находятся в критическом положении.

Увидев мой немой вопрос, тот продолжил:

– Мы давно проводим испытания, опасные для жителей станции и остальных людей; не исключено, что эти испытания несут угрозу для всего человечества. Но цель оправданна, поверьте: технологии, которые мы получим, необходимы. В первую очередь, это телепорт.

– Телепорт? – переспросил я.

– Устройство, позволяющее перемещать органические и неорганические объекты из одной точки пространства в дру-

гую, – подтвердил учёный. – Вместе с ним – временной телепорт… которому ещё предстоит появиться. В сущности, тот же телепорт, перемещающий объекты не только в пространстве, но и во времени, – добавил мужчина. – Во всяком случае, пробелов ещё множество; сейчас мы лишь пытаемся получить эти технологии. Проверяем гипотезы, сопоставляем факты; составляем общую картину из полученных сведений. Вряд ли я скажу вам, сколько времени потребуется, чтобы собрать все пазлы этой картины и ответить на все вопросы. Мы занимаемся скорее исследованием, чем изобретением: многое ещё лишь предстоит узнать.

Джеффри Грант кашлянул и потёр руки.

– Вы работаете с ними? – спросил я, указав на коллег профессора: Мэтью и господина Грисбурга.

– Очевидно, не только с ними, – тихо рассмеялся профессор.

– Есть ещё учёные?

– Нас значительно больше, – улыбался мистер Грант. – В двадцатом веке правительства финансировали проекты, в которые входили тысячи человек, чтобы достичь космоса. Но для этого необходимо было только преодолеть земное притяжение и выдержать жестокие условия вакуума. Здесь же речь идёт о совершенно ином перемещении. Вообразите, Томас, сколько необходимо усилий, чтобы закрыть пробелы в природе пространства-времени; это задача миллиона исследователей – возможно, даже нескольких миллионов.

Нельзя назвать точное число. Учёные на таких же станциях, как у нас, проводят эксперименты; мы обмениваемся полученными данными, анализируем их, занимаемся совместными опытами – но лишь малую часть из них можно назвать успешными. Это труднее, чем можно представить. К тому же не забывайте, Томас, что все проводимые операции полностью засекречены. Результаты экспериментов передаются в зашифрованном виде, и это усложняет обмен данными. Не все процессы мы можем объяснить и не всё способны контролировать.

– Многое зависит от случая?

– К сожалению. Известно множество инцидентов, когда объекты исчезали бесследно.

– Исчезали в ходе экспериментов? – уточнил я.

– Да.

– Где же их находили?

– Они исчезали бесследно, Томас. Бес–след–но, – повторил учёный. – Информация о них утеряна. Можно сказать, посылка отправлена, но адрес получения неизвестен. По всей видимости, объекты могли оказаться в случайной точке пространства – под землёй, в атмосфере или где-нибудь в космосе; а, может быть, того хуже, попасть в случайный отрезок времени.

– Своего рода лотерея? – предположил я.

– Можно сказать и так. Не исключено, что мы, сами того не желая – переместили объект, случайное существо из

прошлого в будущее или, напротив, из будущего в прошлое, против воли последнего. Таким образом, – заключил он, – мы имеем право предположить, что стали виновниками вашего перемещения.

III. НОВОЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Вопросы возникали в мыслях, один за другим. В те минуты, кажется, меня больше удивлял не сам факт моего перемещения, а облик эпохи, в которой я оказался.

– Положим, это будущее, – сказал я, словно пытаясь удостовериться в этих словах. Поток вопросов трудно было сдержать. – Но скажите, прошу вас, – продолжил я, – для чего построена станция; действительно ли жизнь на суше… стала невыносимой? Ведь это звучит нелепо, ещё более странно, чем тот факт, что я оказался в другом столетии. У вас в распоряжении летающие машины, сложнейшие сооружения – значит, прогресс не стоял на месте; в таком случае, как объяснить упадок?

Учёный согнулся, точно под весом чего-то огромного; казалось, ему тяжело слышать эти вопросы. Он вновь кашлянул, глубоко вздохнул и снял очки. Я заметил, как в глазах у него блеснули слёзы.

– Понимаете ли, – начал он, – трудно объяснить то, что случилось за это время в двух словах… человеку, жившему в достаточно благополучный период: то есть, вам. Что ж, я попробую. Предположу, что вы застали расцвет торговли, промышленности и взрыв населения, когда почти все страны находились в стадии подъёма. Теперь представьте Томас,

– сказал профессор, – сколько людей одновременно желало комфортной жизни. Жилище, образование, транспорт, здравоохранение – всё требует определённого объёма ресурсов. Потребности никогда не были так велики. Вдумайтесь в эти слова ещё раз, прошу вас: колоссальное число людей с потребностями, возросшими в несколько раз, на одной-единственной планете, ресурсы которой без того были порядком истрачены. Менее развитые государства использовали преимущественные грязные способы производства, чтобы сократить разрыв. – Казалось, профессор готовит меня к какому-то известию. – А теперь добавьте ещё один фактор: демографический взрыв в этих странах. Численность населения постоянно росла, пока не достигла одиннадцати миллиардов.

– Одиннадцати?

– Критическое число для планеты, – кивнул учёный. – Когда вы родились, на Земле было почти в три раза меньше людей. При господствовавшем способе производства планета могла выдержать четыре, максимум – пять миллиардов. Но не восемь, не десять, и не одиннадцать. Прежде высокая смертность предотвращала перенаселение, но постепенно все получили доступ к медицине. Ничто не способно было остановить всплеск рождаемости; сейчас же, напротив, ничто не способно остановить вымирание.

– Вымирание? – переспросил я. – До этого вы сказали, что численность населения непрерывно росла.

– Всё верно, вплоть до конца двадцать первого века, и,

преимущественно, в наименее развитых странах.

– Значит, сейчас начался спад?

– Вымирание, – повторил мистер Грант. – Это слово подходит больше: в ста шестидесяти государствах из двухсот.

– Чем занимаются лидеры государств, Организация объединённых наций?

– Лишь фикция, – улыбнулся профессор. – Всё, что они могут – выражать обеспокоенность и бесконечно затягивать переговоры, в то время как на деле ситуация не меняется.

Профессор вздохнул и вновь продолжил:

– История циклична, мой дорогой, – ласково произнёс он. – Не удивляйтесь так сильно, Томас. За подъёмом следует спад. В Римской империи строились акведуки, мосты; римляне создали латинский алфавит, искусство и развитую правовую систему.

– А затем пришли варвары, – вставил я.

– Именно. Их было больше; в результате – столетия дикости. Средневековье. В руках у них было грандиозное наследие, но они не умели им пользоваться. Искусство пришло в упадок, наука перестала существовать в прежнем виде. Потребовались столетия, чтобы восстановить утраченные знания.

– Хотите сказать, что история повторяется?

– Отличие в том, – добавил профессор, – что Новое Средневековье тяжелее; мы вынуждены жить в новом мире. Земля уже не та планета, какой мы её знали. Люди могли бы оста-

новиться вовремя, но не стали; а история не знает сослагательного наклонения. Люди и не пытались ничего исправить. В конце концов, случилось то, что и должно было: замещение населения, голод, стихийные бедствия. Худшие прогнозы сбылись, словно запрограммированные пророчества; человек вырыл могилу и прыгнул в неё.

Профессор вновь поднял голову, стараясь сдержать слёзы. В этот момент в лабораторию вернулись двое: господин Грисбург (так я запомнил его) и Мэтью. Только сейчас я различил на их лицах признаки сильной усталости. Они внимательно посмотрели в мою сторону, а затем вместе стали управлять квадратами голограмм, взмахивая руками над цветными экранами. Мэтью всё время молчал; Грисбург изредка говорил что-то, переходя с немецкого на английский и обратно.

Мистер Грант вытер глаза.

– Наиболее тяжёлым стал рубеж двадцать первого и двадцать второго века.

Учёный задумался на секунду. Он выглядел, словно врач, говорящий о диагнозе пациента.

– Северное полушарие избавилось от полярной шапки, – объявил он. – Сначала на летний сезон, а затем – полностью. Большую часть льдов потеряла Гренландия, и океан накрыл побережье. Вновь хлынули беженцы, а это – новая волна кризиса. Попробуйте представить себе нечто вроде Массового вымирания, Большой депрессии и Великого переселе-

ния народов, уместившихся в одной эпохе.

– И дамбы не спасли города?

Я спрашивал, хотя заранее знал ответ.

– Океан поднимается выше, амплитуда температур растёт. В прогретой воде рождаются штормы втрое сильнее, чем прежде. Ураганы вашего времени, Томас, это лёгкий бриз по сравнению с современными циклонами.

– И всё же наука дала какие-то результаты? – спросил я.

– Разумеется, технологии не стояли на месте.

– У людей есть более чистые средства производства?

– Загрязнение в прошлом, но теперь слишком поздно. Подумайте, Томас, – объяснял учёный, – мы можем остановить выброс газов – но не можем избавиться от уже выброшенных: заведённые человеком механизмы не остановить.

– Ничего нельзя сделать?

– Во всяком случае, немного.

– Температура будет расти?

– Дело не ограничивается потеплением, Томас. Государства в том виде, в котором они существовали, исчезли. От моей собственной страны осталось лишь название, и сейчас просто некому взять ситуацию в свои руки. Хорошо, если мы переживаем очередное средневековье: в таком случае нужно просто пережить это время. А позже, вероятно, последовало бы Новое возрождение; однако я склонен думать иначе.

Он остановился, кашлянув, и продолжил:

– Подумайте сами, Томас: все процессы, явления начи-

наются и заканчиваются. Человек рождается, растёт, переживает физический расцвет, затем – слабеет, болеет чаще с каждым годом и, в конце концов, умирает. Вспомните, Томас, сколько культур существовало в истории; они проходили через одинаковый сценарий зарождения, развития, расцвета, деградации, упадка, пока не приходили к неминуемому финалу. Надо полагать, что и та картина, которую мы видим, это закономерный финал.

– В каком смысле?

– Закат, – объяснил профессор. – Неудивительно, если нас постигнет та же судьба, что и динозавров – с тем лишь отличием, что мы сами уничтожим себя.

Сердце у меня сжалось, руки стали холодными. Чувства бурлили. Я был ошеломлён и потерян. Вся история человечества вдруг показалась мне бессмысленной; бесконечные войны, конфликты, страдания людей были напрасными, если привели к ещё более тяжёлой жизни. Учёный вновь посмотрел в иллюминатор: возможно, мысли его обратились к прошлому.

IV. АТЛАНТИЧЕСКАЯ СТАНЦИЯ

Так я стал жителем будущего. Свободных кают на станции не хватало, поэтому мне пришлось остаться в лаборатории учёных; для них я был не только гостем, но ценным объектом изучения.

Вот что мне довелось узнать про этих людей.

Господин Грисбург, хирург и блестящий механик – как я и думал, выходец из Германии; он знал больше языков, чем его товарищи и кроме немецкого свободно общался по-английски, по-русски и по-итальянски. По всей видимости, больше всего времени он проводил за медицинскими операциями. В то же время Вим Грисбург – самый молодой из троих учёных: на вид ему не больше сорока пяти лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.